



М. Водопьянов

**ПОЛЯРНЫЙ
ЛЁТЧИК**





М. Водопьянов

ПОЛЯРНЫЙ ЛЁТЧИК

РАССКАЗЫ

Рисунки К. Арцезулова



крылья и смеялись. Я никак не мог понять, отчего им так весело. Если у нас пробиты крылья, так ничего смешного тут нет. Выхожу из самолёта — меня окружают товарищи.

— Вы что,— говорит мне командир полка,— на международной линии пассажиров возите? Почему у вас зажжены бортовые огни?

— Как так? — изумился я.

Смотрю — и глазам не верю. Оказывается, я вместо подогревателя приборов включил бортовые огни. И ещё удивлялся, почему в нас палить начали! Только теперь стало понятно, почему они так энергично стреляли.

Получилось так, будто мы посмеялись над белофиннами: стреляйте, мол, всё равно не попадёте! С другой стороны, мы могли за этот «смех» заплатить жизнью.

Особенно ярко горела лампочка в хвосте самолёта, где сидел наш стрелок. Я подошёл к нему.

— Послушайте,— сказал я,— вы же видели, что загорелась лампочка, почему вы её не разбили?

— Виноват, товарищ командир,— смущённо ответил мне стрелок.— Я думал, вы нарочно включили лампочку, чтобы мне светлее было. Я выпустил все патроны. Думаю, удачно!

Победителей не судят. Командир посмеялся вместе со всеми и пошутил:

— Придётся, видно, разрешить вам летать днём, раз вы уж сами из ночи день делаете.

КТО ТАКОЙ СЕРЁГА?

Мы шли в боевой полёт на Берлин. Эта цель всегда создавала у лётчиков особенно напряжённое, даже несколько торжественное настроение. Бомбить само логово фашистского зверя считалось у нас почётным заданием, и к его выполнению относились необычайно ревностно. Поэтому, когда в полёте на Берлин у нас отказал один из моторов, было решено маршрут продолжать: сбросить бомбы на цель, а там — будь что будет.

В начале пути погода была хорошая, но, когда мы пролетели линию фронта, она начала портиться: появилась облачность.

Я решил лететь выше облаков. Пришлось подняться на пять тысяч метров. Все надели кислородные маски.

По внутреннему телефону спросил стрелков, как они себя чувствуют, хорошо ли работают кислородные приборы. Получил ответ, что всё в порядке, и спокойно пошёл дальше.

Но дальше облачность оказалась ещё выше пяти тысяч метров. Поднялись на шесть и около трёх часов шли, не видя земли.

Вскоре высота достигла семи тысяч. Вдруг правый крайний мотор остановился.

— Далеко ли цель? — спросил я штурмана.

— Осталось двадцать минут полёта.

Возвращаться было обидно. А если сбросить бомбы, не долетев до Берлина, то что мы выиграем? Всё равно до своей земли можем не дотянуть. Нет уж, выполнять задание так выполнять!

И я продолжал вести машину по курсу.

Через двадцать минут дрогнул самолёт. Я сразу понял, что это открыли люки. Сейчас наши бомбы будут сброшены на цель, и мы пойдём обратно.

Когда мы сошли с цели, я решил снизиться, чтобы запустить мотор. Мне уже стало ясно, что он остановился потому, что не хватало воздуха.

На высоте в три тысячи метров мотор снова заработал. Не успел я порадоваться, как штурман начал мне командовать: «Вправо! Влево!»

Что такое?

Впереди были заградительные огни немецкой батареи.

Мы быстро набрали высоту. На шести тысячах мотор снова остановился. Мои догадки подтвердились: ему не хватало воздуха. Приходилось снижаться, и каждый раз мы попадали под обстрел.

Нам пробиты два бензиновых бака. Но все четыре мотора работали пока хорошо.

Начало светать. Впереди появились высокие обрывистые об-

лака; они напоминали каменные шпильи Кавказских гор. Казалось, что самолёт сейчас врежется в эти «скалы» и разобьётся о них вдребезги.

С облаками на нас надвигался мощный циклон. Обойти его не было никакой возможности: мы и так шли на высоте пяти тысяч метров. Когда мы попали в него, в кабине поднялась снежная пыль. В малейшую щёлочку проникал густой струйкой снег. Все приборы покрылись его тонким слоем. Мой «больной» мотор снова остановился.

По расчёту времени, наш самолёт находился уже недалеко от линии фронта. Бензин из пробитых баков продолжал вытекать, и я ждал, что вот-вот должны остановиться все четыре мотора.

Было решено снизиться под облака и восстановить по местности, где мы находимся: если уж придётся совершить вынужденную посадку, то надо знать где.

На высоте тысячи восьмисот метров показалась земля. Температура резко поднялась, снег в кабине быстро растаял, по окнам хлестал дождь.

Под нами была русская земля с густым лесом. Сёл больших мы не заметили, скоплений войск — тоже. Судя по всему, линию фронта мы ещё не «перетянули».

— Где мы? — спрашиваю штурмана.

— Фронт недалеко. Подтяните ещё немного!

В это время, как по команде, остановились все четыре мотора. Машина быстро стала снижаться.

Что делать? Прыгать с парашютом? Но это значит попасть к фашистам в руки. Садиться на открытое место тоже нельзя: расстреляют. Добежать до какого-нибудь укрытия не успеем.

Я принял решение: садиться на густой лес, подальше от дорог. По крайней мере, фашисты не скоро доберутся до нас, а может быть, нам посчастливится встретиться с советскими людьми. Что касается самой посадки на лес, мне лично это приходилось делать впервые, но я отлично помнил рассказ моего друга Ильи Павловича Мазурука, которому пришлось однажды садиться прямо на таёжные заросли, и он даже не сломал машину.

По телефону предупреждаю товарищей: приготовиться!

Я видел, как один за другим товарищи уходили в заднюю часть самолёта, где меньше риска погибнуть при посадке.

Высота быстро сокращалась. Вот и лес... Выравниваю машину, стараюсь как можно больше потерять скорость...

Я упёрся рукой в козырёк, чтобы не разбить лицо о приборы, и мы врезаемся в верхушки густых сосен. Что-то трещит. Машина, подламывая деревья, «на брюхе» опускается до самой земли.

— Товарищи, — крикнул я, — вы живы?

— Мы-то живы, а вы как?

— Раз сам спрашиваю, значит, в порядке!

Оцарапанные, немного оглушённые, мы вылезли из машины.

— А где же хвостовой пушкарь? — спросил я.

— Он раньше всех вышел. Куда же он девался? — недоумевают товарищи.

В это время мы услышали глухой шум какой-то возни, пыление и наконец голос пропавшего пушкаря.

— Стой! Ещё кусаться будешь! — сердито кричал он где-то совсем близко.

— Пусти, окаянный! — крикнул в ответ высокий не то женский, не то детский голос.

Мы насторожились.

Пушкарь подтащил своего упирающегося пленника. Это был мальчишка в ветхой одежонке, лет двенадцати-тринадцати на вид.

— Вот, — доложил пушкарь, — под самый хвост машины подполз!

— «Подполз»! — дерзко сказал мальчишка. — Это вы чуть человека не задавили! Идёшь по лесу — и на тебя самолёт валится... — ворчливо добавил он.

— Ты кто? — спросил его штурман. — Может, партизан? — мягко закончил он.

— Нет. Мой дед заболел, ему кисленького захотелось. Ну, я пошёл на хутор за капустой, а вы тут и плюхнулись... Чуть не задавили! — опять с вызовом сказал он.



— Что значит «плюхнулись»? — недовольно переспросил штурман.

— Ну как по-вашему — сели?

— Тебя как зовут? — вступил я в разговор.

— Серёга.

— Скажи нам, Серёга, далеко здесь немцы?

— Не знаю я, дяденька, — вдруг сменив тон, плаксиво заго-

ворил Серёга. — Ничего я не знаю. Отпустите меня. И так чуть не убили. Меня дедушка ждёт!

— За кого ты нас принимаешь? — уже совсем ласково спросил я, видя, что парень «крутит».

— За лётчиков, — ответил хитрый мальчишка.

— За каких?

— За военных! — Он снова увернулся от прямого ответа.

— Ох, и хитёр ты, bestия! — потирая укушенное место, заметил ему пушкарь.

— Я не bestия. Bestия женского рода, а я мужчина.

Мы, несмотря на неясность момента, громко расхохотались.

— Ты что ж, мужчина, думаешь — мы немцы?

— Не знаю.

— А по разговору судя, мы немцы или русские?

— Не знаю я. Отпустите! Меня дедушка ждёт.

— Товарищ командир! — обратился ко мне пушкарь. — Будем самолёт всё равно сжигать, и его туда же. Разве вы не видите? Это же немецкий шпион!

Глазёнки у мальчишки забегали: он старался понять, шутит пушкарь или нет. Наконец спросил:

— Аэроплан будете сжигать?

— А что же, немцам оставлять?

— Может, что зарыть? — нерешительно спросил Серёга.

— А потом ты приведёшь немцев и покажешь?

Вместо ответа Серёга самым неожиданным образом прыгнул в сторону и скрылся в чаще.

Штурман и пушкарь бросились за ним, но его и след простыл.

— Кто его знает, что за парень... Надо скорей уходить! — забеспокоились мы. — Может, действительно какой-нибудь шпионский прихвостень.

Мы живо подтащили сухих сучьев, разбили масляные баки — и запылал костёр. Тогда мы быстро, гуськом двинулись на восток.

Через несколько часов мы вышли на дорогу. Решили идти вдоль неё — может, удастся встретить кого-нибудь более сговор-

чивого; чем Серёга. Мысль о нём всё время беспокоила нас: кто его знает, что он за парень! Почему убежал? Может, беду навлечёт...

Мы недолго шли в ожидании встречи. Словно вынырнув из-под земли, перед нами предстали три всадника. Автоматы у них были наизготове.

— Стой! — «приветствовали» они нас. — Кто вы такие?

Не успели мы ответить, как, откуда ни возьмись, появились два немецких автоматчика.

Весь наш экипаж, как по команде, схватился за оружие. Бортмеханик и штурман кинулись вперёд. Штурман успел выстрелить, но не попал: его схватил за руку один из быстро спешившихся всадников.

— Тихо, товарищи! — сказал один из тех, кто оставался на коне. — Теперь мы видим, что вы наши. Это для нас ценнее всяких документов. А насчёт фашистов не беспокойтесь: они поддельные.

Заметив, что его не поняли, он добавил:

— Мы нарочно водим с собой таких «ряженных» — сразу людей распознаём. А то ведь фашисты сами тут в нашей форме бродят и по-русски хорошо говорят. С толку с ними собьёшься...

Мы познакомились. Рассказали партизанам историю своего полёта и вынужденной посадки. Они слушали нас с огромным интересом, расспрашивали, какие новости на Большой земле, рассказывали, как воюют сами.

— Да, — заметил наш штурман, — для нас большое счастье, что мы вас нашли.

— Тоже — нашли! — добродушно ответил один из партизан. Это вы спасибо Серёге скажите. Если б не он, неизвестно, куда бы вы ещё попали... Мы сами вас искали больше трёх часов.

— Так вот я какую важную птицу поймал! — охнул наш пушкарь.

— Очень важную, — без тени усмешки ответили партизаны. — Самый боевой разведчик. Только на вас очень рассердился, говорит — чуть не убили. Поэтому и не верил, что вы совет-

ские лётчики. «Разве,— говорит,— наши лётчики так плюхаются?»

В лагере мы снова встретили Серёгу. Увидев нас, он вдруг застеснялся и собирался было снова задать стрекача. Но на этот раз мы его без труда остановили.

— Ты что ж, — спросил я его, — такой специалист по авиации, что по посадке отличаешь советских лётчиков от фашистских?

— Не то что отличаю, а вроде как наши лётчики должны быть ловчее, — уклончиво сказал он.

— Ну, а мы, по-твоему, плохо сели?

Он шмыгнул носом и отвёл взгляд в сторону: вежливость не позволила ему сделать прямое признание.

Я долго объяснял Серёге, как трудно посадить машину на лес, чтобы не разбиться.

— А ты говоришь — плюхнулись! — не удержавшись, добавил я.

— Теперь я понял. Вы простите, что я не узнал вас.

— Ничего, ведь мы тебя тоже не узнали: всё шли и гадали, кто такой Серёга — друг или враг? А ты ведь наш спаситель!

— Вы-то зря гадали, — задумчиво ответил мальчик. — Я ещё не слышал, чтоб кто-нибудь из ребят фашистам продался. Так, по-моему, не может быть!

— Ты прав.

Действительно, за всё время войны я ни разу не слышал, чтобы подросток пошёл в услужение к врагам. А как много ребята помогали своим, я наблюдал сам и слышал от других.

ЛЕДОВАЯ РАЗВЕДКА

Полярный лётчик Антонов летал на ледовую разведку — он помогал капитанам проводить пароходы с грузом по Северному морскому пути. Самолёт был «ЛИ-2». В кабине вместо кресел и пассажиров лежали бочки с запасным бензином, чтобы лётчик имел возможность летать не десять часов, а все двадцать.